

Самоопределяющие автобиографические воспоминания в системе личностно-мнемических межфункциональных связей

В.В. Нуркова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (ФГБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова»), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (ФГБОУ ВО «РАНХиГС»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3117-3081>, e-mail: Nourkova@mail.ru

Целью данной статьи является расширение номенклатуры психологических явлений, анализируемых в контексте методологии культурно-исторического подхода, за счет ассимиляции крайне востребованного в зарубежной когнитивной психологии личности конструкта самоопределяющих воспоминаний (СОВ). СОВ представляют собой специфическую категорию автобиографических воспоминаний. С одной стороны, СОВ являются отражением ядерной мотивации личности, ее устойчивых черт и ведущих целей. С другой стороны, СОВ выступают средствами формирования идентичности и преемственности личной истории. В обзоре литературы доказательства, подтверждающие значимость конструкта СОВ, критически рассматриваются через призму индивидуальных различий, корреляций с другими психологическими переменными, клинических случаев и экспериментальных данных о причинно-следственных зависимостях между изменением СОВ и различными аспектами функционирования личности. Модель самореференционной мнемической системы, связывающая автобиографическую память и личность, обсуждается в качестве наиболее адекватной теоретической рамки для интерпретации уникальных характеристик СОВ. В заключение статьи обосновывается, что для развития культурно-исторического подхода продуктивен анализ СОВ как идеального средства выстраивания межфункциональных связей внутри подсистем личности, а также между личностью и когнитивными процессами.

Ключевые слова: самоопределяющие воспоминания, автобиографическая память, самореференционная мнемическая система, личность, межфункциональные связи, психологическая система.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 20-113-50655.

Для цитаты: Нуркова В.В. Самоопределяющие автобиографические воспоминания в системе личностно-мнемических межфункциональных связей // Культурно-историческая психология. 2022. Том 18. № 1. С. 79–89. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2022180108>

Self-defining Memories in the System of Self-Memory Interfunctional Relationships

Veronika V. Nurkova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3117-3081>, e-mail: Nourkova@mail.ru

The aim of this paper is to extend the field of research in cultural-historical psychology by assimilating the construct of self-defining autobiographical memories (SDMs), which are in high demand among cognitive psychologists of personality. On the one hand, SDMs reflect one's core motivation, personal traits, and leading goals. On the other hand, SDMs serve as a means of forming a sense of personal identity and continuity within one's individual history. In the literature review, evidence supporting the SDM construct's validity was critically appraised through the lenses of individual differences, correlations with

other variables, clinical cases, and experimental results on causal links between SDM transformation and various measures of personality. The Self-Memory System model (SMS), which connects autobiographical memory and the self, is discussed as a pertinent framework for interpreting SDM's unique properties. The argument ends with the proposition that the cultural-historical approach would benefit from accommodating SDMs as an ideal mediator of interfunctional relationships, both inside personality and between personality and cognitive processes.

Keywords: self-defining memories, autobiographical memory, self-memory system, personality, interfunctional relationships, psychological system.

Funding. The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project number 20-113-50655.

For citation: Nurkova V.V. Self-defining Memories in the System of Self-Memory Interfunctional Relationships. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2022. Vol. 18, no. 1, pp. 79–89. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2022180108> (In Russ.).

Проблема взаимного опосредствования высших психических функций

Понятие «психологической системы», определенное Выготским как «сложные связи, которые возникают между отдельными функциями в процессе развития» [3, с. 110] составляет теоретическое ядро культурно-исторической психологии (КИП). В процессе интеграции вновь обретенной субъектом высшей психической функции (ВПФ) в целостную культурную психику осуществляется выстраивание межфункциональных связей, где роль сформированных новообразований не ограничивается решением той исходной задачи, которая стояла в начале освоения культурной практики. Идея о том, что при решении задачи «системой сотрудничающих функций» [5, с. 16] одна из них может выступать средством реализации другой, воплощена им на примере интеллектуализации памяти в онтогенезе. Выготский пишет: «То, что при непосредственном запоминании берется непосредственно памятью, то при опосредствованном запоминании берется с помощью ряда психических операций, которые могут не иметь ничего общего с памятью; происходит, следовательно, как бы замещение одних психических функций другими» [4, с. 392, 394], а так же в еще более радикальном положении об антропогенетической и онтогенетической интеграции мышления и речи, в результате чего «... мышление становится речевым, а речь интеллектуальной» [4, с. 105].

Л.С. Выготским четко сформулировано положение о возможности продукции одних ВПФ выступать в качестве идеальных средств регуляции других ВПФ при формировании психологических систем. Примером такой межфункциональной связи служит связь типа «сон кафра» [3, с. 117], где сновидец активно использует сновидение для решения отложенной на время дневной задачи. Выготский придавал большое значение данной линии исследования, о чем можно заключить как по публичным выступлениям — «системы и их судьба — в этих двух словах для нас должны заключаться альфа и омега нашей бли-

жайшей работы» [3, с. 131], так и по частным записям — «основа конкретной психологии — связи типа «сон кафра»» [6, с. 59].

На сегодняшний день конкретные формы межфункционального сотрудничества ВПФ остаются недостаточно эксплицированными и поэтому малоизученными. Выявление новых систем регуляции человеком собственной психической деятельности и поведения («автостимуляции» — в терминологии Л.С. Выготского) на основе взаимодействия высокоуровневых личностно-когнитивных функций представляется продуктивным направлением исследования. Следуя намеченной научно-исследовательской программе развития КИП автобиографической памяти [10], ниже продолжим транспонирование идеи опосредствующего потенциала межфункциональных связей на новый класс ВПФ. Задачей данной статьи является анализ самоопределяющих автобиографических воспоминаний (СОВ) в статусе идеальных средств организации и регуляции широкого круга личностных процессов.

Конструкт «самоопределяющие автобиографические воспоминания» в современной когнитивной психологии личности

Термин «самоопределяющие автобиографические воспоминания» — СОВ (self-defining memories, SDM) предложил Джефферсон Сингер (Jefferson Singer) [51], но сам тезис о наличии особого класса автобиографических воспоминаний проективного характера был сформулирован еще в рамках теории А. Адлера [1]. Адлер, как впоследствии и другие представители психоаналитического подхода [40], наиболее информативными для понимания личности считали воспоминания о раннем детстве, так как в силу слабой сохранности исходного следа памяти в сочетании с минимальной возможностью верификации они оптимально подходят на роль реципиентов проекции стиля жизни и актуальных проблем взрослого вспоминающего.

В отличие от традиции психоанализа, Сингер, во-первых, отказывает СОВ в возрастной специфичности и, во-вторых, настаивает на активной роли сознания в их конструировании и воспроизведении [49]. Отсюда, ставшая стандартной процедура экспликации СОВ, которая предполагает прямой запрос к автобиографической памяти с инструкцией воспроизвести воспоминания, которые максимально выражают личность респондента [46]. Инструкция содержит требования, чтобы СОВ: 1) относились к периоду более года назад (индикатор интегрированности в автобиографическую память); 2) были эмоционально насыщенными (индикатор релевантности актуальной мотивации); 3) обладали четкостью и детальностью (индикатор субъективной достоверности); 4) многократно актуализировались прежде (индикатор включенности в психологический репертуар); 5) вызывали цепь ассоциативно связанных воспоминаний (индикатор вершинного положения в «смысловой грозди» автобиографических воспоминаний [см. подробно: 9]). Используемые инструкции «выразить настоящего себя» могут различаться, однако сохраняют презумпцию контроля сознания над селекцией адекватного мнемического содержания. Так, Р. Гесс [27] предлагала представить идеальный фотоальбом, в который вошли бы несколько главных моментов жизни, а М. МакДарби с коллегами [36] просили описать воспоминания, которые достойно представили бы человека после его смерти.

Подчеркнем, что СОВ наделяются особым для мнемических явлений психологическим статусом: они выступают единицей анализа личности, где в достаточном для интерпретации объеме представлено единство существенных на текущем жизненном этапе самооценочно значимых качеств и целей, в контексте связывающего их смыслового отношения [18].

На основе сценарной концепции личности Сильвана Томкинса [54] СОВ понимаются как формирующиеся в результате обобщения схожих жизненных опытов скрипты, в которых прототипические сцены соединяются с базовыми эмоциями, которые значительно варьируют и обычно определяются индуктивно. Так, классификация, предложенная А. Деморест [21], была создана при помощи иерархического кластерного анализа сюжетов наиболее эмоциогенных СОВ, включила в себя 12 категорий: принадлежность, достижение, развлечение, физическое испытание, неизвестность, травма, вред для близких, разлука, разрыв романтических отношений, неоправдавшиеся надежды, нанесение обиды и жестокость в вариативном сочетании с пятью эмоциональными состояниями (любовь, удовольствие, печаль, гнев и страх). Ряд сочетаний «сцена—эмоция» оказались более частотными при интраиндивидуальной устойчивости сочетаний в фактологически различных СОВ на интервале в один месяц [22]. А. Торн и К. МакЛин [53] свели тематическое многообразие СОВ к более крупным категориям: 1) отношения, 2) достижения, 3) развлечения, 4) ущерб и смертность, 5) вина и стыд. Данная минималистическая классификация на сегодняшний день наиболее широко используется при кодировании

содержания СОВ, что, как нам представляется, значительно обедняет получаемые результаты.

Другие характеристики СОВ, наиболее часто обсуждаемые в литературе, — степень специфичности/обобщенности, эмоциональное содержание (как индикатор прогресса в достижении целей) и присутствие в нарративе СОВ автобиографического рассуждения (autobiographical reasoning), эксплицитно раскрывающего связь актуализируемого эпизода с личностью [48; 26].

М. Пасупати с коллегами [45] эмпирически выявлены варианты выражения личности в содержании СОВ: 1) иллюстрация или разъяснение самооценочно значимого личностного свойства (explain); 2) конкретизация самоописания «от противного», через отрицание какого-либо свойства (dismissal); 3) объяснение причин личностного изменения (cause); 4) раскрытие ранее неизвестных самому себе характеристик (reveal). При этом два первых варианта направлены на раскрытие преемственности личности во времени, а два последних — на отслеживание ее динамики.

К. МакЛин и М. Фурнье [38], апеллируя к трехуровневой модели личности Д. МакАдамса [34], предложили различать: 1) диспозиционные связи, которые предполагают самоопределение с точки зрения личностных черт (уровень черт, по МакАдамсу); 2) ценностные и мировоззренческие связи, фиксирующие обобщенные паттерны взаимодействия с миром (уровень адаптаций, по МакАдамсу); 3) связи, относящиеся к личностному росту и развитию (уровень истории жизни, по МакАдамсу). Д. МакАдамс обратил внимание на две разнонаправленные линии развития сюжета внутри нарратива СОВ [35]. В первом «восходящем» типе сюжета, завязка СОВ описывает негативную ситуацию, которая в результате активности протагониста или в результате вмешательства внешних сил к завершению истории трансформируется в позитивную ситуацию (redemption). Второй тип сюжета — «нисходящая» последовательность перехода от позитивной ситуации к негативной (contamination). Более сложные сюжеты «двойного улучшения» или «двойного ухудшения» в нарративах СОВ пока не стали предметом анализа.

В работе К. Ларди с коллегами [29] предпринята попытка редукции выделенных параметров СОВ к более общим категориям. Интересным результатом стали полученные с применением кластеризации участников исследования К-средними, два контрастных профиля СОВ. Носители одного профиля генерировали достаточно обобщенные СОВ с преимущественно «восходящей» динамикой сюжета, сопровождая их большим количеством рефлексивных автобиографических рассуждений. СОВ носителей второго профиля были эпизодически специфичными, включали меньше автобиографической рефлексии и внутренних конфликтов. Очевидно, что необходимо прояснить взаимосвязи выявленных профилей СОВ с конкретными личностными, когнитивными и поведенческими характеристиками.

Существенным пробелом в изучении СОВ остается их связь с мотивационной структурой личности. Ло-

гично предположить, что содержательное и формальное разнообразие корпуса СОВ служит индикатором высокой сложности и гетерархической организации мотивационной структуры, в то время как узкий и однотипный репертуар СОВ, напротив, свидетельствует в пользу ее одновершинной организации. Однако во всех опубликованных работах, от респондентов требуется актуализация фиксированного количества СОВ, что препятствует такому анализу.

Дифференциальная психология самоопределяющих воспоминаний

На современном исследовательском поле широко представлены работы корреляционного характера, направленные на поиск как универсальных, так и популяционно специфических систем взаимосвязей различных аспектов СОВ с характеристиками личности и поведенческими переменными.

Так, установлены корреляционные связи с факторами Большой пятерки: Нейротизм прямо связан с насыщенностью негативными эмоциями и обобщенностью СОВ с «нисходящим» сюжетом (при обратной связи с позитивными эмоциями в СОВ); Экстраверсия прямо связана с позитивными эмоциями и количеством рефлексивных единиц в тексте СОВ; Сознательность прямо связана с высокой специфичностью СОВ; Доброжелательность — с позитивными эмоциями в СОВ [14]. Широта и объем ассоциативных связей СОВ с другими воспоминаниями показали связь с Открытостью опыту, измеряемой не только опросником, но и поведенческой пробой реакции на просмотр фильма тревожного содержания [29].

В работах, сфокусированных на группах с выраженным мотивационным дисбалансом, выявлена «негативная квадриада» характеристик СОВ, которая образуется сочетанием низких показателей специфичности, позитивности, автобиографических рассуждений и тематики достижений. Типичная негативная квадриада СОВ обнаруживается у наркозависимых [25]. У пациентов с антисоциальным расстройством личности она сочетается с тенденцией воспроизводить СОВ, относящиеся к периоду детства и юности (что может свидетельствовать об инфантилизме) [30]. При алкоголизме также дополнительно наблюдается более высокая эмоциональная насыщенность с тенденцией к преобладанию тематики отношений с другими людьми [20; 41], что может отражать актуальность мотивации аффилиации в контексте ее пролонгированной фрустрации и компенсацию ценностно-смыслового дефицита событий периода жизни после алкоголизации воспоминаниями детства [2; 12]. Логично допустить, что развернутость автобиографических рассуждений — самостоятельный аспект в структуре негативной квадриады, дифференцирующий направленность личности на взаимодействие с проблемой. С этой гипотезой согласуется характерное для больных нервной анорексией снижение специфичности и позитивности СОВ при сохранении типичного уровня автобиографических рассуждений в совокупности с

преобладанием нарративов с «нисходящими» сюжетами угрожающих жизни событий, болезней и сексуального насилия [15].

Предметом исследований являются возрастные особенности СОВ. Хотя на сегодняшний день не проведен анализ начальных форм СОВ, можно утверждать, что источником их развития выступают специфические диалоги со взрослым, где артикулируется причинно-следственная связь между проживаемыми событиями и личностными характеристиками ребенка [8; 24]. Регулярное вовлечение ребенка в такие диалоги служит предпосылкой становления автобиографического (т. е. индивидуально-исторического) аспекта самосознания взрослого [42].

В развернутой форме феномен СОВ возникает в подростковом возрасте в ответ на возрастную задачу достижения идентичности [39]. Исследователи фиксируют смешанный эмоциональный состав СОВ подростков с акцентом недавних событий тематики межличностных отношений, первых опытов в различных сферах и достижений, что соответствует ведущим задачам данного периода [56].

Функции СОВ изменяются с возрастом, приобретая особую значимость в пожилом возрасте как ресурс противостояния деструктивной трансформации самоидентичности и интеграции диахронического аспекта самосознания в условиях связанного со старением снижения уровня функционирования и сужения репертуара социальных ролей. Соответственно, содержания СОВ пожилых людей адресуются к далекому прошлому с фокусом на стабильности и преемственности личности на протяжении жизненного пути, в то время как СОВ студенческой выборки акцентируются на динамике личностных изменений [37; 50]. На фоне редукции инцидентных воспоминаний СОВ пожилых сохраняют детальность, специфичность и феноменологию субъективного «перепроживания» заключенного в них опыта [32].

Самоопределяющие воспоминания в модели самореференционной системы памяти М. Конвея

Концептуальная модель самореференционной системы памяти, связывающая автобиографическую память и личность [ССП, Self-Memory System model, SMS, 18, 19], включает в себя СОВ в качестве существенного компонента. Модель предполагает динамичное взаимодействие двух структур личности — Долговременного Я (Long-term self) и Рабочего Я (Working self). Первая связана с постановкой и реализацией глобальных целей личности в масштабе жизненного пути, а вторая — с ситуативными текущими целями. Цели Долговременного Я и Рабочего Я могут конкурировать между собой, так что модель SSP включает в себя диалектическое напряжение между данными инстанциями.

Долговременное Я объединяет Базу автобиографических знаний (autobiographical knowledge base)

и Концептуальное Я (conceptual self), включающее в себя Я-концепцию, самооценку и личные ценности. База автобиографических знаний (автобиографическая память) имеет иерархическую организацию, где высший уровень содержит целостное представление о своей судьбе, которое конкретизируется в совокупности жизненных тем (этапов, «глав»). Жизненные темы служат вершинами кластеров обобщенных жизненных событий (general events), объединяя находящиеся на нижележащем уровне воспоминания о конкретных локализованных во времени и пространстве эпизодах. Конкретные перцептивно насыщенные автобиографические воспоминания лишь фенотипически сходны с содержанием эпизодической памяти (временного хранилища сегментированного на эпизоды потока воспринимаемой информации [см. подробно: 9]). Копированию в базу автобиографических знаний подлежат лишь те фрагменты эпизодической записи, которые прошли селекцию со стороны обеих структур ССП — Рабочего Я и Концептуального Я. В отличие от угасающего на небольших временных интервалах содержания эпизодической памяти, те фрагменты опыта, которые были интегрированы в базу автобиографических знаний, уже не подвержены забыванию. Однако принадлежность к базе автобиографических знаний не гарантирует достоверность воспоминаний, поскольку они подвергаются модификации со стороны мотивационных доминант, как в момент первичного перекодирования из эпизодической памяти, так и в момент каждого воспроизведения. Кроме того, перезапись из эпизодической памяти пополняется не только за счет реально происходящих событий, но и за счет продукции воображения. Воображаемые события могут приобретать статус произошедших в действительности [13].

В структуре этой модели СОВ — это особый тип автобиографических воспоминаний, которые, обладая всеми признаками рядовых инцидентных воспоминаний, прямо эксплицируют Концептуальное Я в сознание. Такая трактовка подтверждается фактом интенсификации извлечения перечня самооценочно значимых качеств и повышением показателей ясности самооценки после актуализации СОВ [16]. На фоне высочайшей субъективной достоверности, СОВ выступает не столько отсылкой к конкретному событию прошлого, сколько метафорой актуального ценностно-мотивационного профиля личности [47].

Каждое СОВ служит основанием устойчивой вертикальной смысловой оси внутри базы автобиографических знаний и поэтому легко категоризируется в терминах соответствующих обобщенных событий, жизненных тем и истории жизни в целом. Вместе с тем СОВ связаны с совокупностью хронологически смежных рядовых автобиографических воспоминаний, делая их более доступными для воспроизведения.

Таким образом, СОВ выполняют в модели ССП функции средства связи и коммуникации между различными подструктурами личности. На рисунке представлено схематическое изображение статуса СОВ в модели ССП.

Самоопределяющие воспоминания как средство саморегуляции, самопознания и самоконструирования личности

С позиций КИП крайне важно, что СОВ — не эпифеноменальные образования, способные лишь информировать о текущем состоянии личности, а средства активного воздействия на протекание разноплановых психических процессов. Данная идея раскрывается в трех частично пересекающихся направлениях исследований: 1) клинические случаи использования СОВ в психотерапии; 2) исследования корреляционного типа; 3) экспериментальные воздействия на характеристики СОВ, приводящие к изменению личностных переменных.

Первая линия представлена описаниями единичных случаев анализа работы с СОВ в рамках психотерапевтических сессий. Например, Сингер с коллегами [47] излагают случай клиента В., обратившегося с проблемой импульсивного рискованного поведения, которое, в частности, привело к краху его брака. Анализ СОВ клиента показал их сверхобобщенность и отсутствие автобиографических рассуждений, связывающих их негативную тематику (развод родителей, смерть сестры) с более широким жизненным контекстом. В связи с этим работа была направлена на развитие специфичности СОВ и автобиографической рефлексии. Авторы констатировали значительный прогресс клиента в контроле над своим поведением.

В логике второй линии исследований, Данлопом и Трейси [23] было показано, что наличие автобиографических рассуждений в СОВ членов Общества анонимных алкоголиков служит предиктором продолжительности срока воздержания от алкоголя. Ляо с коллегами [31] показали значимую связь пропорции позитивных СОВ (при инструкции воспринимать три воспоминания) с тенденцией давать «восходящие» интерпретации событиям и оценивать их как высоко функциональные. В свою очередь, самоотчетная функциональность СОВ в совокупности с активным смыслопорождением в процессе воспоминания выступили предикторами высоких показателей самооценки через год. В связи с этим сделан вывод о том, что люди, которые в целом удовлетворены своей жизненной историей, склонны использовать СОВ для самоанализа и выстраивания позитивной Я-концепции. Томсен с коллегами [52] показали, что уровень личностной тревожности (но не депрессивная симптоматика), измеренный 10 лет назад, служит предиктором негативной эмоциональной насыщенности и количества «нисходящих» интерпретационных паттернов в СОВ, которые, в свою очередь, предсказывают синхронный времени воспроизведения СОВ статус депрессивности. Авторы утверждают, что именно такой тип СОВ спровоцировал усугубление депрессивной симптоматики.

Корпус экспериментальных данных о причинно-следственных зависимостях между актуализацией или конструированием СОВ с определенными характеристиками и изменениями в функционировании личности носит весьма ограниченный характер.

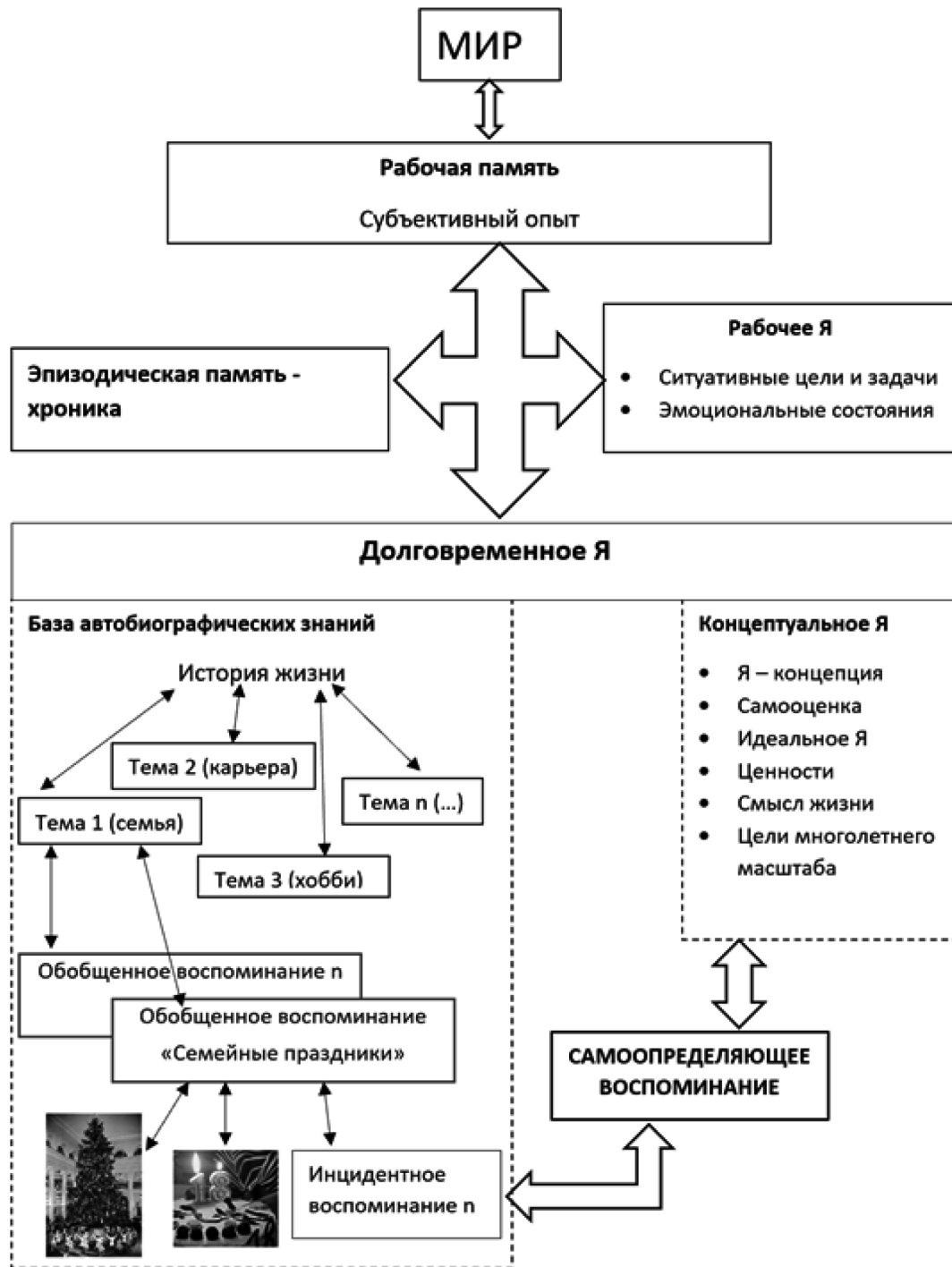

Рис. Концептуальная модель самореференционной системы памяти

В одной из работ данного типа [55] специальная инструкция вспомнить СОВ, иллюстрирующее положительные стороны Я-концепции, привела к значимому ситуативному улучшению настроения после индукции печали с помощью просмотра видеофрагмента, независимо от того, предлагалось ли испытуемым воссоздать максимально подробный образ эпизода прошлого или проанализировать его причины и последствия. Этот эффект был подтвержден лишь у респондентов без депрессивной симптоматики. Полученный результат интерпретируется авторами в свете модели ССП и связывается с тем, что наме-

ренное извлечение СОВ активирует конгруэнтные ему аспекты Я-концепции, что вызывает мощный положительный эмоциональный отклик, преодолевающий ситуативные триггеры негативных эмоций у недепрессивных испытуемых. Однако депрессивное состояние во время эксперимента препятствовало реализации указанного механизма как минимум по двум причинам. Во-первых, воспроизведенные в депрессии СОВ были менее субъективно яркими и чаще переживались в переспективе от третьего лица, что нарушало их субъективную достоверность и убедительность. Во-вторых, парадоксальным образом,

авторы предположили, что нулевой эффект у данной подвыборки можно признать свидетельством улучшения настроения. Такая гипотеза выдвинута на основании ранее полученных данных, согласно которым, индукция негативного эмоционального состояния обычно вовлекает депрессивных испытуемых в цепь руминаций, т. е. служит триггером ряда все более грустных воспоминаний, усугубляющих эмоциональное состояние.

Авторы из университета Саутгемптона [17] приводят данные о повышении самооценки и снижении тревожности, фиксируемой по самоотчетам, через неделю после процедуры «воображаемого переписывания» (imagery rescripting) негативных СОВ. Участникам предлагалось сначала максимально подробно вообразить негативное СОВ, затем «перепрожить» его из перспективы сегодняшнего дня и, наконец, сконструировать диалог между Я-находящимся внутри этого события в прошлом и Я-в настоящем.

Опираясь на понимание личностной тревожности как результата избыточного рассогласования между представлениями человека о его актуальных и идеальных показателях по самооценочно значимым свойствам [33], мы доказали, что путем обогащения репертуара доступных позитивных СОВ, релевантных наиболее фрустрированным параметрам самооценки, возможно оптимизировать личностную тревожность [44].

В нашем исследовании участники с высоким уровнем тревожности, находясь в измененном состоянии сознания (с применением методики сенсомоторного психосинтеза), конструировали позитивные СОВ, в которых целевые для них качества проявлялись в соответствии с их уровнем притязаний. Материалом для процесса конструирования служили предварительно полученные от каждого участника негативные СОВ. Контрольными условиями в эксперименте выступали релаксация в измененном состоянии сознания и беседа. Сопоставление результатов измерения личностной тревожности (опросниковыми методами и объективной пробой оценки временных интервалов) до и спустя четыре месяца после экспериментальной интервенции показало, что за счет присвоения сконструированных альтернативных СОВ представители экспериментальной группы достигли уровня нормы. Таким образом, осознание СОВ с заданными характеристиками не только повышает доступность корреспондирующих с ними аспектов Я-концепции и тем самым оказывает влияние на текущее психологическое состояние, но и обладает потенциалом коррекции самой Я-концепции.

Перспективы исследования самоопределяющих воспоминаний с позиций культурно-исторического подхода

С точки зрения предложенного нами ранее различения «сосредоточивающей» и «генерализующей» перспектив развития КИП [11], введение в теоретико-экспериментальный анализ конструкта СОВ может дать импульс развитию обеим линиям, т. е. как

наполнить новой эмпирической реальностью существующие теоретические положения, так и способствовать дальнейшей интеграции КИП в мировую науку.

«Сосредоточивающая» линия предполагает анализ СОВ как посредника в формировании особых межфункциональных связей по типу «сна кафра», как между подсистемами личности, так и между личностью и когнитивными процессами. В этом случае СОВ следует рассматривать как формы психологического бытования автобиографических воспоминаний в качестве средств реализации других ВПФ (Я-концепции, временной транспективы, произвольного управления динамикой мотивационной сферы и пр.), что перспективно для анализа «судьбы» ВПФ по завершении процесса ее интериоризации. При такой трактовке, относительно СОВ адекватны вопросы об их актуальном и потенциальном функциональном репертуаре, об идеальных формах, культурных средствах и практиках их формирования, а также, принимая во внимание конструктивный пафос идеи культурного опосредствования, о возможности разработки «гуманитарных технологий» качественной оптимизации сложившихся практик функционирования СОВ, в том числе с учетом изменений типичной социальной ситуации их развития в условиях цифровизации.

Потенциал «генерализующей» линии включения СОВ в повестку исследований связан с тем, что методологический и методический арсенал КИП позволяет поставить и эмпирически разрешить ряд вопросов, которые ускользают от представителей когнитивной психологии личности, но могут быть ими приняты в качестве универсальных, методологически нейтральных показателей результативности КИП. Среди таких потенциальных точек роста исследований СОВ — например, проблема динамики СОВ с точки зрения возрастных задач развития психологических новообразований взрослого и пожилого возраста и роль СОВ в сохранении переживания преемственности личности вопреки изменениям жизненных обстоятельств и индивидуальных свойств человека. Закономерно считать, что в реализации одной из элоквентных функций автобиографической памяти — функции диахронической интеграции личности СОВ играют роль опорных средств, которыми поддерживается коммуникация между Я-концепциями, относящимися к разновременным интервалам самоидентичности [8]. Круг актуальных вопросов при анализе СОВ в контексте КИП включает в себя, но не сводится, к следующим. Ограничивается ли регуляционный потенциал СОВ исключительно мотивационно-личностными процессами или возможно его расширение на познавательные задачи? Насколько ассоциативная или рефлексивная стратегии актуализации СОВ определяют их функциональный потенциал? Могут ли существовать и реально включаться в психическую деятельность особые «постнарративные» формы СОВ, например, «сущностные ментальные фотографии», т. е. фотоподобные референты СОВ, которые аккумулируют наиболее значимые

аспекты стоящего за ним события [10]? И, наконец, способны ли СОВ стать средством для направленного порождения новых, необычных феноменов со-

знания, например, известного атрибута экстремальных ситуаций — феномена «вся жизнь промелькнула перед глазами» [7; 43]?

Литература

1. Адлер А. Наука жить: пер. с англ. и нем. Киев: Port-Royal, 1997. 288 с.
2. Братусь Б.С. Аномалии личности. Психологический подход. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Никая, 2019. 907 с.
3. Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1982. 486 с.
4. Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2. М.: Педагогика, 1982. 504 с.
5. Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 6. М.: Педагогика, 1984. 396 с.
6. Выготский Л.С. Конкретная психология человека // Вестник Московского университета. 1986. № 1. С. 52–66.
7. Нуркова В.В. Мгновенный жизненный обзор. Метафора? Реальный мнемический опыт? Ретроспективный артефакт? К вопросу о перспективах исследования [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2011. Том 18. № 4. С. 2. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 15.04.2021).
8. Нуркова В.В. Самоопределяющие нарративы в развитии личности // Психологическая наука и образование. 2014. № 4. С. 22–30.
9. Нуркова В.В. Проблема неточности воспоминаний в перспективе многокомпонентной модели памяти // Мир психологии. 2015. Том 81. № 2. С. 35–49.
10. Нуркова В.В. Психология фотографии. Культурно-исторический анализ: монография. М.: Изд-во Юрайт, 2019. 437 с.
11. Нуркова В.В. Эволюционный поворот культурно-исторической психологии и теория когнитивных гаджетов: аналоги или гомологи? // Вопросы психологии. 2019. Том 65. № 4. С. 29–41.
12. Нуркова В.В., Бодунов Е.А. Автобиографическая память как ресурс преодоления внутриличностного конфликта при алкоголизме // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2014. № 2. С. 46–60.
13. Нуркова В.В., Василенко Д.А. Сила воображения и слабость датировки: о двух источниках искажений в автобиографической памяти [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017. Вып. 7. № 1. С. 182–192. DOI:10.17759/psylaw.207070115
14. Blagov P.S., Singer J.A., Oost K.M., Goodma, J.A. Self-defining Memories (Their Affect, Structure, Meaning, and Content) in Relation to Temperament, Trait Domains, and Psychological Adjustment. In press.
15. Castellon P., Sudres J.-L., Voltzenlogel V. Self-defining memories in female patients with anorexia nervosa // European Eating Disorders Review. 2020. Issue 5. P. 513–524. DOI:10.1002/erv.2739
16. Charlesworth L.A., Allen R.J., Havelka J., Moulin C.J. Who am I? Autobiographical retrieval improves access to self-concepts // Memory. 2016. Vol. 24. № 8. P. 1033–1041. DOI:10.1080/09658211.2015.1063667
17. Çili S., Pettit S., Stopa L. Impact of imagery rescripting on adverse self-defining memories and post-recall working selves in a non-clinical sample: a pilot study // Cognitive Behaviour Therapy. 2017. Vol. 46. № 1. P. 75–89. DOI:10.1080/016506073.2016.1212396
18. Conway M.A., Singer J.A., Tagini A. The self and autobiographical memory: Correspondence and coherence //

References

1. Adler A. Nauka zhit' [Live Science]. Kiev: Port-Royal, 1997, 286 p. (In Russ.).
2. Bratus' B.S. Anomalii lichnosti. Psikhologicheskii podkhod [Anomalies of personality. Psychological approach]. Izd. 2-e, pererab. i dop. Moscow: Nikeya, 2019, 907 p. (In Russ.).
3. Vygotskii L.S. Sbranie sochinenii: v 6 t. T. 1. [Collected Works: in 6 vol. Vol. 1]. Moscow: Pedagogika, 1982. 486 p. (In Russ.).
4. Vygotskii L.S. Sbranie sochinenii: v 6 t. T. 2. [Collected Works: in 6 vol. Vol. 2]. Moscow: Pedagogika, 1982. 504 p. (In Russ.).
5. Vygotskii L.S. Sbranie sochinenii: v 6 t. T. 6. [Collected Works: in 6 vol. Vol. 6]. Moscow: Pedagogika, 1984. 396 p. (In Russ.).
6. Vygotskii L.S. Konkretnaya psikhologiya cheloveka [Concrete human psychology], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psikhologiya* [Moscow University Psychology Bulletin. Series 14: Psychology], 1986, no. 1, pp. 52–66. (In Russ.).
7. Nurkova V.V. Mgnovennyi zhiznennyi obzor. Metafora? Real'nyi mnemicheskii opyt? Retrospektivnyi artefakt? K voprosu o perspektivakh issledovaniya [Momentary life review: a metaphor, an experience or a false memory? Further research perspectives], *Psikhologicheskie issledovaniya = Psychological Studies (elektronnyi zhurnal)*, 2011, Vol. 18, no. 4, pp. 2. Available at: <http://psystudy.ru>. (Accessed 15.04.2021). (In Russ.).
8. Nurkova V.V. Samoopredelyayushchie narrativy v razvitiu lichnosti [Self-defined Narratives in Personality Development], *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, 2014, no. 4, pp. 22–30. (In Russ.).
9. Nurkova V.V. Problema netochnosti vospominanii v perspektive mnogokomponentnoi modeli pamyati [Memory discrepancy problem in the long-term multicomponent model of memory]. *Mir psihologii* [World of Psychology], 2015, Vol. 81, no. 2, pp. 35–49. (In Russ.).
10. Nurkova V.V. Psikhologiya fotografii. Kulturno-istoricheskiy analiz: monografiya [The Psychology of Photography: Cultural-Historical Analysis]. Moscow: Yurait Publ., 2019, 473 p. (In Russ.).
11. Nurkova V.V. Evolyutsionnyi povорот kul'turno-istoricheskoi psikhologii i teoriya kognitivnykh gadzhetov: analogi ili gomologi? [The evolutionary turn in cultural-historical psychology and theory of cognitive gadgets: analogies or homologies?], *Voprosy psikhologii* [Questions in psychology], 2019, Vol. 65, no. 4, pp. 29–41. (In Russ.).
12. Nurkova V.V., Bodunov E.A. Avtobiograficheskaya pamyat' kak resurs preodoleniya vnutilichnostnogo konflikta pri alkogolizme [Autobiographical memory as a resource for coping with intrapersonal conflict in alcoholics], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psikhologiya* [Moscow University Psychology Bulletin. Series 14: Psychology], 2014, no. 2, pp. 46–60. (In Russ.).
13. Nurkova V.V., Vasilenko D.A. Sila voobrazheniya i slabost' datirovki: o dvukh istochnikakh iskazhenii v avtobiograficheskoi pamyati [The power of imagination / The weakness of dating: on two origins of autobiographical memory distortion], *Psikhologiya i pravo = Psychology and law*, 2017.

Social cognition. 2004. Vol. 22. № 5 (Special issue). P. 491–529. DOI:10.1521/soco.22.5.491.50768

19. Conway M.A., Justice L.V., D'Argembeau A. The Self-Memory System Revisited. The organization and structure of autobiographical memory // *The Organization and Structure of Autobiographical Memory* / Ed. by J.H. Mace. New York: Oxford University Press, 2019. P. 28–50.

20. Cuervo-Lombard C., Raucher-Chéné D., Barrière S., Van der Linden M., Kaladjian A. Self-defining memories in recently detoxified alcohol-dependent patients // *Psychiatry research*. 2016. Vol. 246. P. 533–538. DOI:10.1016/j.psychres.2016.09.040

21. Demorest A.P. A taxonomy for scenes // *Journal of Research in Personality*. 2008. Vol. 42. № 1. P. 239–246. DOI:10.1016/j.jrp.2007.05.004

22. Demorest A., Popovska A., Dabova M. The Role of Scripts in Personal Consistency and Individual Differences // *Journal of Personality*. 2012. Vol. 80. № 1. P. 187–218. DOI:10.1111/j.1467-6494.2011.00727.x

23. Dunlop W.L., Tracy J.L. The autobiography of addiction: Autobiographical reasoning and psychological adjustment in abstinent alcoholics // *Memory*. 2013. Vol. 21. № 1. P. 64–78. DOI:10.1080/09658211.2012.713970

24. Fivush R. The development of autobiographical memory // *Annual review of psychology*. 2011. Vol. 62. P. 559–582. DOI:10.1146/annurev.psych.121208.131702

25. Gandolphe M.C., Duprez C., Enault F., Seyeux O., Brunelle E., Duparcq J.P., Nandrino J.L. Compromises of integration, specificity and emotional content of self-defining memories in patients with opioid-use disorder // *Memory*. 2019. Vol. 27. № 5. P. 637–646. DOI:10.1080/09658211.2018.1548624

26. Habermas T. Autobiographical reasoning: Arguing and narrating from a biographical perspective // *New directions for child and adolescent development*. 2011. Vol. 131. № 1. P. 1–17. DOI:10.1002/cd.285

27. Hess R.K. The Psychophysiology of Self-Defining Memories: Unpublished dissertation. New London, Connecticut, Connecticut College, 2009. 74 p.

28. Houle I., Philippe F.L., Lecours S., Roulez J. Networks of self-defining memories as a contributing factor to emotional openness // *Cognition and Emotion*. 2018. Vol. 32. № 2. P. 363–370. DOI:10.1080/02699931.2017.1284045

29. Lardi C., D'Argembeau A., Chanal J., Ghisletta P., Van der Linden M. Further characterisation of self-defining memories in young adults: A study of a Swiss sample // *Memory*. 2010. Vol. 18. № 3. P. 293–309. DOI:10.1080/09658211003601522

30. Lavallee A., Gandolphe M.C., Salopp X., Ott L., Pham T., Nandrino J.L. Characterization of self-defining memories in criminals with antisocial personality disorder // *Memory*. 2020. Vol. 28. № 9. P. 1123–1135. DOI:10.1080/09658211.2020.1818785

31. Liao H.W., Bluck S., Westerhof G.J. Longitudinal relations between self-defining memories and self-esteem: Mediating roles of meaning-making and memory function // *Imagination, cognition and personality*. 2018. Vol. 37. № 3. P. 318–341. DOI:10.1177/0276236617733840

32. Martinelli P., Piolino P. Self-defining memories: last episodic memories bastion in normal aging? // *Psychologie & Neuropsychiatrie du vieillissement*. 2009. Vol. 7. № 3. P. 151–167. DOI:10.1684/pnv.2009.0178

33. Mason T.B., Smith K.E., Engwall A., Lass A., Mead M., Sorby M., Bjorlie K., Strauman T.J., Wonderlich S. Self-discrepancy theory as a transdiagnostic framework: A meta-analysis of self-discrepancy and psychopathology // *Psychological Bulletin*. 2019. Vol. 145. № 4. P. 372–389. DOI:10.1037/bul0000186

Vol. 7, no. 1, pp. 182–192. DOI:10.17759/psylaw.207070115 (In Russ.).

14. Blagov P.S., Singer J.A., Oost K.M., Goodma, J.A. Self-defining Memories (Their Affect, Structure, Meaning, and Content) in Relation to Temperament, Trait Domains, and Psychological Adjustment. In press.

15. Castellon P., Sudres J.L., Voltzenlogel V. Self-defining memories in female patients with anorexia nervosa. *European Eating Disorders Review*, 2020. Issue 5, pp. 513–524. DOI:10.1002/erv.2739

16. Charlesworth L.A., Allen R.J., Havelka J., Moulin C.J. Who am I? Autobiographical retrieval improves access to self-concepts. *Memory*, 2016. Vol. 24, no. 8, pp. 1033–1041. DOI:10.1080/09658211.2015.1063667

17. Çili S., Pettit S., Stopa L. Impact of imagery rescripting on adverse self-defining memories and post-recall working selves in a non-clinical sample: a pilot study. *Cognitive Behaviour Therapy*, 2017. Vol. 46, no. 1, pp. 75–89. DOI:10.1080/16506073.2016.1212396

18. Conway M.A., Singer J.A., Tagini A. The self and autobiographical memory: Correspondence and coherence. *Social cognition*, 2004. Vol. 22, no. 5 (Special issue), pp. 491–529. DOI:10.1521/soco.22.5.491.50768

19. Conway M.A., Justice L.V., D'Argembeau A. The Self-Memory System Revisited. The organization and structure of autobiographical memory. In J.H. Mace (Ed.) *The Organization and Structure of Autobiographical Memory*. New York: Oxford University Press, 2019. pp. 28–50.

20. Cuervo-Lombard C., Raucher-Chéné D., Barrière S., Van der Linden M., Kaladjian A. Self-defining memories in recently detoxified alcohol-dependent patients. *Psychiatry research*, 2016. Vol. 246, pp. 533–538. DOI:10.1016/j.psychres.2016.09.040

21. Demorest A.P. A taxonomy for scenes. *Journal of Research in Personality*, 2008. Vol. 42, no. 1, pp. 239–246. DOI:10.1016/j.jrp.2007.05.004

22. Demorest A., Popovska A., Dabova M. The Role of Scripts in Personal Consistency and Individual Differences. *Journal of Personality*, 2012. Vol. 80, no. 1, pp. 187–218. DOI:10.1111/j.1467-6494.2011.00727.x

23. Dunlop W.L., Tracy J.L. The autobiography of addiction: Autobiographical reasoning and psychological adjustment in abstinent alcoholics. *Memory*, 2013. Vol. 21, no. 1, pp. 64–78. DOI:10.1080/09658211.2012.713970

24. Fivush R. The development of autobiographical memory. *Annual review of psychology*, 2011. Vol. 62, pp. 559–582. DOI:10.1146/annurev.psych.121208.131702

25. Gandolphe M.C., Duprez C., Enault F., Seyeux O., Brunelle E., Duparcq J.P., Nandrino J.L. Compromises of integration, specificity and emotional content of self-defining memories in patients with opioid-use disorder. *Memory*, 2019. Vol. 27, no. 5, pp. 637–646. DOI:10.1080/09658211.2018.1548624

26. Habermas T. Autobiographical reasoning: Arguing and narrating from a biographical perspective. *New directions for child and adolescent development*, 2011. Vol. 131, no. 1, pp. 1–17. DOI:10.1002/cd.285

27. Hess R.K. The Psychophysiology of Self-Defining Memories: Unpublished dissertation. New London, Connecticut, Connecticut College, 2009. 74 p.

28. Houle I., Philippe F.L., Lecours S., Roulez J. Networks of self-defining memories as a contributing factor to emotional openness. *Cognition and Emotion*, 2018. Vol. 32, no. 2, pp. 363–370. DOI:10.1080/02699931.2017.1284045

29. Lardi C., D'Argembeau A., Chanal J., Ghisletta P., Van der Linden M. Further characterisation of self-defining memories in young adults: A study of a Swiss

34. McAdams D.P. What do we know when we know a person? // *Journal of Personality*. 1995. Vol. 63. № 3. P. 365–396. DOI:10.1111/j.1467-6494.1995.tb00500.x
35. McAdams D.P., Reynolds J., Lewis M., Patten A.H., Bowman P.J. When bad things turn good and good things turn bad: Sequences of redemption and contamination in life narrative and their relation to psychosocial adaptation in midlife adults and in students // *Personality and social psychology bulletin*. 2001. Vol. 27. № 4. P. 474–485. DOI:10.1177/0146167201274008
36. McDarby M., Mroz E., Bluck S., Carpenter B. How Will I Be Remembered? Reflection on Virtues in Self-Defining Memories Across Adulthood // *Innovation in Aging*. 2020. № 4 (Suppl 1). P. 418.
37. McLean K.C. Stories of the young and the old: Personal continuity and narrative identity // *Developmental Psychology*. 2008. Vol. 44. № 1. P. 254–264. DOI:10.1037/0012-1649.44.1.254
38. McLean K.C., Fournier M.A. The content and processes of autobiographical reasoning in narrative identity // *Journal of Research in Personality*. 2008. Vol. 42. № 3. P. 527–545. DOI:10.1016/j.jrp.2007.08.003
39. McLean K.C., Thorne A. Late adolescents' self-defining memories about relationships // *Developmental psychology*. 2003. Vol. 39. № 4. P. 635–645. DOI:10.1037/0012-1649.39.4.635
40. Mosak H.H., Di Pietro R. Early recollections: Interpretive method and application. New York, London: Routledge, 2007. 364 p.
41. Nandrino J.L., Gandolphe M.C. Characterization of self-defining memories in individuals with severe alcohol use disorders after mid-term abstinence: The impact of the emotional valence of memories // *Alcoholism: Clinical and Experimental Research*. 2017. Vol. 41. № 8. P. 1484–1491. DOI:10.1111/acer.13424
42. Nelson K., Fivush R. The development of autobiographical memory, autobiographical narratives, and autobiographical consciousness // *Psychological reports*. 2020. Vol. 123. № 1. P. 71–96. DOI:10.1177/0033294119852574
43. Nourkova V.V. Compressed life review: Extreme manifestation of autobiographical memory in eye-tracker // *Behavioral Sciences*. 2020. Vol. 10. № 3. P. 1–12. DOI:10.3390/bs10030060
44. Nourkova V.V., Vasilenko D.A. On the advantage of autobiographical memory pliability: implantation of positive self-defining memories reduces trait anxiety // *Memory*. 2018. Vol. 26. № 7. P. 869–881. DOI:10.1080/09658211.2017.1420195
45. Pasupathi M., Mansour E., Brubaker J.R. Developing a life story: Constructing relations between self and experience in autobiographical narratives // *Human Development*. 2007. Vol. 50. № 2–3. P. 85–110. DOI: 10.1159/000100939
46. Singer J.A. Memories that matter: How to use self-defining memories to understand & change your life. Oakland: New Harbinger Publications, 2005. 195 p.
47. Singer J.A., Blagov P., Berry M., Oost K.M. Self-defining memories, scripts, and the life story: Narrative identity in personality and psychotherapy // *Journal of personality*. 2013. Vol. 81. № 6. P. 569–582. DOI: 10.1111/jopy.12005
48. Singer J.A., Bluck S. New perspectives on autobiographical memory: The integration of narrative processing and autobiographical reasoning // *Review of General Psychology*. 2001. Vol. 5. № 2. P. 91–99. DOI:10.1037/1089-2680.5.2.91
49. Singer J.A., Conway M.A. Reconsidering therapeutic action: Loewald, cognitive neuroscience and the integration of memory's duality // *The International Journal of Psychoanalysis*. 2011. Vol. 92. № 5. P. 1183–1207. DOI:10.1111/j.1745-8315.2011.00415.x
- sample. *Memory*, 2010. Vol. 18, no. 3, pp. 293–309. DOI:10.1080/09658211003601522
30. Lavalée A., Gandolphe M.C., Saloppé X., Ott L., Pham T., Nandrino J.L. Characterisation of self-defining memories in criminals with antisocial personality disorder. *Memory*, 2020. Vol. 28, no. 9, pp. 1123–1135. DOI:10.1080/09658211.2020.1818785
31. Liao H.W., Bluck S., Westerhof G.J. Longitudinal relations between self-defining memories and self-esteem: Mediating roles of meaning-making and memory function. *Imagination, cognition and personality*, 2018. Vol. 37, no. 3, pp. 318–341. DOI:10.1177/0276236617733840
32. Martinelli P., Piolino P. Self-defining memories: last episodic memories bastion in normal aging? *Psychologie & Neuropsychiatrie du vieillissement*, 2009. Vol. 7, no. 3, pp. 151–167. DOI:10.1684/pnv.2009.0178
33. Mason T.B., Smith K.E., Engwall A., Lass A., Mead M., Sorby M., Bjorlie K., Strauman T.J., Wonderlich S. Self-discrepancy theory as a transdiagnostic framework: A meta-analysis of self-discrepancy and psychopathology. *Psychological Bulletin*, 2019. Vol. 145, no. 4, pp. 372–389. DOI:10.1037/bul0000186
34. McAdams D.P. What do we know when we know a person? *Journal of Personality*, 1995. Vol. 63, no. 3, pp. 365–396. DOI:10.1111/j.1467-6494.1995.tb00500.x
35. McAdams D.P., Reynolds J., Lewis M., Patten A.H., Bowman P.J. When bad things turn good and good things turn bad: Sequences of redemption and contamination in life narrative and their relation to psychosocial adaptation in midlife adults and in students. *Personality and social psychology bulletin*, 2001. Vol. 27, no. 4, pp. 474–485. DOI:10.1177/0146167201274008
36. McDarby M., Mroz E., Bluck S., Carpenter B. How Will I Be Remembered? Reflection on Virtues in Self-Defining Memories Across Adulthood. *Innovation in Aging*, 2020. no. 4 (Suppl 1), pp. 418.
37. McLean K.C. Stories of the young and the old: Personal continuity and narrative identity. *Developmental Psychology*, 2008. Vol. 44, no. 1, pp. 254–264. DOI:10.1037/0012-1649.44.1.254
38. McLean K.C., Fournier M.A. The content and processes of autobiographical reasoning in narrative identity. *Journal of Research in Personality*, 2008. Vol. 42, no. 3, pp. 527–545. DOI:10.1016/j.jrp.2007.08.003
39. McLean K.C., Thorne A. Late adolescents' self-defining memories about relationships. *Developmental psychology*, 2003. Vol. 39, no. 4, pp. 635–645. DOI:10.1037/0012-1649.39.4.635
40. Mosak H.H., Di Pietro R. Early recollections: Interpretive method and application. New York, London: Routledge, 2007. 364 p.
41. Nandrino J.L., Gandolphe M.C. Characterization of self-defining memories in individuals with severe alcohol use disorders after mid-term abstinence: The impact of the emotional valence of memories. *Alcoholism: Clinical and Experimental Research*, 2017. Vol. 41, no. 8, pp. 1484–1491. DOI:10.1111/acer.13424
42. Nelson K., Fivush R. The development of autobiographical memory, autobiographical narratives, and autobiographical consciousness. *Psychological reports*, 2020. Vol. 123, no. 1, pp. 71–96. DOI:10.1177/0033294119852574
43. Nourkova V.V. Compressed life review: Extreme manifestation of autobiographical memory in eye-tracker. *Behavioral Sciences*, 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 1–12. DOI:10.3390/bs10030060
44. Nourkova V.V., Vasilenko D.A. On the advantage of autobiographical memory pliability: implantation of positive self-defining memories reduces trait anxiety. *Memory*. 2018,

50. Singer J., Rexhaj B., Baddeley J. Older, wiser, and happier? Comparing older adults' and college students' self-defining memories // *Memory*. 2007. Vol. 15. № 8. P. 886–898. DOI:10.1080/09658210701754351
51. Singer J.A., Saltzberg E., Yatim D. Self-defining memories: A subtype of autobiographical memory // Presented at the annual convention of the Eastern Psychological Association, Boston, MA, March 1989.
52. Thomsen D.K., Matthiesen S., Frederiksen Y., Ingerslev H.J., Zachariae B., Mehlsen M. Y. Trait anxiety predicts the emotional valence of meaning-making in life stories: A 10-year prospective study // *Personality and Individual Differences*. 2016. Vol. 102. № 1. P. 51–55. DOI: 10.1016/j.paid.2016.06.059
53. Thorne A., McLean K.C. Manual for coding events in self-defining memories // Unpublished manuscript. University of California, Santa Cruz. 2001. Vol. 11. № 4. P. 235–250.
54. Tomkins S.S. Script theory // The emergence of personality / Ed. by J. Aronoff, A. I. Rabin, R. A. Zucker. New York: Springer, 1987. P. 147–216.
55. Werner-Seidler A., Moulds M.L. Recalling positive self-defining memories in depression: The impact of processing mode // *Memory*. 2014. Vol. 22. № 5. P. 525–535. DOI:10.1080/09658211.2013.801494
56. Wood W.J., Conway M. Subjective impact, meaning making, and current and recalled emotions for self-defining memories // *Journal of personality*. 2006. Vol. 74. № 3. P. 811–846. DOI:10.1111/j.1467-6494.2006.00393.x
- Vol. 26, no. 7, pp. 869–881. DOI:10.1080/09658211.2017.1420195
45. Pasupathi M., Mansour E., Brubaker J.R. Developing a life story: Constructing relations between self and experience in autobiographical narratives. *Human Development*, 2007. Vol. 50, no. 2–3, pp. 85–110. DOI:10.1159/000100939
46. Singer J.A. Memories that matter: How to use self-defining memories to understand & change your life. Oakland: New Harbinger Publications, 2005. 195 p.
47. Singer J.A., Blagov P., Berry M., Oost K.M. Self-defining memories, scripts, and the life story: Narrative identity in personality and psychotherapy. *Journal of personality*, 2013. Vol. 81, no. 6, pp. 569–582. DOI:10.1111/jopy.12005
48. Singer J.A., Bluck S. New perspectives on autobiographical memory: The integration of narrative processing and autobiographical reasoning. *Review of General Psychology*, 2001. Vol. 5, no. 2, pp. 91–99. DOI:10.1037/1089-2680.5.2.91
49. Singer J.A., Conway M.A. Reconsidering therapeutic action: Loewald, cognitive neuroscience and the integration of memory's duality. *The International Journal of Psychoanalysis*, 2011. Vol. 92, no. 5, pp. 1183–1207. DOI:10.1111/j.1745-8315.2011.00415.x
50. Singer J., Rexhaj B., Baddeley J. Older, wiser, and happier? Comparing older adults' and college students' self-defining memories. *Memory*, 2007. Vol. 15, no. 8, pp. 886–898. DOI:10.1080/09658210701754351
51. Singer J.A., Saltzberg E., Yatim D. Self-defining memories: A subtype of autobiographical memory. Presented at the annual convention of the Eastern Psychological Association, Boston, MA, March 1989.
52. Thomsen D.K., Matthiesen S., Frederiksen Y., Ingerslev H.J., Zachariae B., Mehlsen M.Y. Trait anxiety predicts the emotional valence of meaning-making in life stories: A 10-year prospective study. *Personality and Individual Differences*, 2016. Vol. 102, no. 1, pp. 51–55. DOI:10.1016/j.paid.2016.06.059
53. Thorne A., McLean K.C. Manual for coding events in self-defining memories. Unpublished manuscript. University of California, Santa Cruz, 2001. 23 p.
54. Tomkins S. S. Script theory. In J. Aronoff, A.I. Rabin, R.A. Zucker (eds.) The emergence of personality. New York: Springer, 1987. pp. 147–216.
55. Werner-Seidler A., Moulds M.L. Recalling positive self-defining memories in depression: The impact of processing mode. *Memory*, 2014. Vol. 22, no. 5, pp. 525–535. DOI:10.1080/09658211.2013.801494
56. Wood W.J., Conway M. Subjective impact, meaning making, and current and recalled emotions for self-defining memories. *Journal of personality*, 2006. Vol. 74, no. 3, pp. 811–846. DOI:10.1111/j.1467-6494.2006.00393.x

Информация об авторах

Нуркова Вероника Валерьевна, доктор психологических наук, профессор факультета психологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (ФГБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова»), ведущий научный сотрудник Школы антропологии будущего Института социальных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (ФГБОУ ВО «РАНХиГС»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3117-3081>, e-mail: Nourkova@mail.ru

Information about the authors

Veronika V. Nourkova, Doctor of Science (Psychology), Professor of the Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Senior researcher, Institute for Social Sciences, RANEPa, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3117-3081>, e-mail: Nourkova@mail.ru

Получена 26.05.2021

Принята в печать 01.03.2022

Received 26.05.2021

Accepted 01.03.2022